

Рецензии

Схватка за Ближний Восток. Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта

Под ред. АЛЕКСЕЯ ВАСИЛЬЕВА, АНДРЕЯ КОРОТАЕВА, ЛЕОНИДА ИСАЕВА
М.: ЛЕЛАНД, 2019. – 256 с.

Исторические события «арабской весны» десятилетней давности до сих пор в значительной мере определяют течение ближневосточной жизни. Потрясения той поры затронули буквально все сферы: внутреннюю и внешнюю политику, экономику, культуру, религию. Осмысление этих процессов интенсивно продолжается и сегодня, а недавняя круглая годовщина послужила поводом для публикации как научных статей, так и целых книг, подводивших промежуточные итоги прокатившихся по Ближнему Востоку и Северной Африке преобразований. Рецензируемая публикация как раз из этого ряда: в сборнике из семи статей представлены – причем в логической связи между собой – важнейшие акторы, осваивающие

местное политико-экономическое и культурно-религиозное пространство. Каждый раздел посвящен конкретному региональному игроку, причем в этой роли фигурируют как отдельные страны, так и межгосударственные альянсы. Все авторы сборника имеют солидный академический бэкграунд, давно и активно публикуя страноведческие и регионоведческие труды.

В коллективном труде отразились как новаторские, так традиционалистские подходы к политической динамике рассматриваемого региона. Своеобразной данью советскому политическому востоковедению стало, например, название книги: остановившись на нем, авторы, по сути, утверждают, что за Ближний Восток неустанно ведется горячая битва, участники которой всегда вынуждены выбирать, в каком они лагере. (Кстати, это утверждение выглядит сомнительным лишь до тех пор, пока мы по-манихейски считаем, что таких лагерей всего два.) Сказанное, впрочем, не означает, будто авторский коллектив в полном своем составе убежден, что арабские нации, как и несколько десятилетий назад, почти лишены политической субъектности, а их судьбы до сих пор решаются в Белом доме или Кремле или что Российская Федерация остается таким же мощным игроком на ближневосточном поле, как Советский Союз полвека назад. Ни то ни другое, как известно, уже не верно – и в своих текстах специалисты соглашаются с этим. В конечном счете, из представленной ими мозаичной картины видно, что за ближневосточным политическим кипением стоит не внешняя интрига, а запущенные местные явления: коррупция, избыточная рождаемость, репрессивность авторитарных режимов, социально-экономическое расслоение.

В первой главе («Схватка за Египет») Андрей Коротаев и Леонид Исаев (оба – ВШЭ) анализируют политическую эволюцию после свержения Хосни Мубарака, используя в качестве предикторов происходившие в ней экономические процессы. Из представленной ими картины следует, что государства, исторически поддерживавшие движение «Братья-мусульмане», в 2012 году не ограничились лишь подтверждением политической легитимности режима Мухаммеда Мурси, победившего тогда на президентских выборах. Приводимые в главе цифры красноречиво говорят о том, что Катар и Турция вложили немало средств, стараясь экономически стабилизировать послереволюционный Египет и тем самым упрочить исламистский режим. Их влияние, однако, удалось пересилить Саудовской Аравии, опасавшейся дальнейшего укрепления позиций «Братьев-мусульман». Пообещав египетским военным, планировавшим переворот, крупный государственный заем, аравийская монархия простимулировала в 2014 году новую смену власти. Кстати, бурный рост египетских биржевых индексов накануне вступления армии на политическую арену говорит о том, что о грядущем свержении Мурси заинтересованным структурами было известно заранее – оно довольно долго готовилось. Интересно, что вооруженные силы, сначала молчаливо позволившие свергнуть Мубарака, а потом своими руками отстранившие Мурси и частично реставрировавшие ранее потопленный ими самими «старый режим», следовали единственному принципу: им нужно было безальтернативно удерживать контроль над изрядной долей египетской экономики, традиционно «закрепленной» за людьми в погонах.

Во второй главе («Воинствующая Аравия») исследовательский фокус перемещается на Аравийский полуостров, где ваххабитская монархия весьма жестко отстаивает собственное право на региональ-

ное лидерство. Как отмечает автор главы Леонид Исаев, радикализм и амбициозность обновляющейся саудовской элиты в последнее время ухудшили отношения страны со многими соседями. Помимо ставшего уже системным противостояния с шиитским Ираном, Эр-Рияд в 2010-е столкнулся с целым рядом новых проблем, от решения которых зависит само будущее саудовского государства. Среди прочего, как указывает автор, аравийскому королевству необходимо: а) сохранить у власти сирийского президента Башара аль-Асада; б) благоприятно для себя завершить затяжную йеменскую интервенцию; в) с «сохранением лица» выйти из катарского кризиса; г) гарантировать спокойствие в своих восточных провинциях, населенных шиитами. К моменту подготовки этой рецензии некоторые из упомянутых проблем уже были решены, но другие еще ждут своего часа, и эксперт подробно объясняет, почему важна каждая из них. В главе затрагиваются и экономические вызовы, нервирующие государство-рантье: решительный отказ от нефтяной зависимости, о котором часто рассуждают нынешние власти, рискует сломать привычный уклад жизни – а это в свою очередь может обернуться непредсказуемыми последствиями для всей политической системы. Тем не менее саудовские элиты понимают, что реформирование страны превратилось в жизненно важную и потому неизбежную задачу.

Третья глава («Турецко-катарско-“ихванский” альянс») имеет дело с главным соперником Саудовской Аравии: противостоящим ей союзом Катара, Турции и «Братьев-мусульман». Как отмечают Андрей Коротаев и Тимур Хайруллин (Институт Африки РАН), монархический Катар и республиканская Турция сблизилась на основе общей приверженности умеренному исламу, вдохновляющему также и «Братьев-мусульман». Одной из площадок, где исламизм «умеренный» столкнулся

с исламизмом «неумеренным», в последние годы стал Египет: свержение президента Мурси, о котором говорилось в первой главе книги, засвидетельствовало поражение альянса Анкары и Дохи от Эр-Рияда и его союзников. На основании богатой фактуры, представленной в главе, авторы раскрывают причины и следствия «катарского кризиса» 2017 года. По их мнению, своеобразным детонатором, спровоцировавшим предельное обострение отношений, стал катарский телеканал «Аль-Джазира», в деятельности которого Саудовская Аравия и равняющиеся на нее силы еще с дней «арабской весны» видели инструмент подрыва собственного политического благополучия. Стойкое предчувствие нового раунда политической нестабильности в исламском мире, разделяемое как политиками, так и экспертами, подтолкнуло тактическую коалицию, возглавляемую саудитами, к попытке изолировать Катар, который среди прочего был обвинен в поддержке терроризма. Но, как показали дальнейшие события, блокада Дохи не смогла разрушить альянс катарцев с турками, который и сегодня остается активным участником конфликтов в нескольких точках Ближнего Востока и Северной Африки.

Глава четвертая («Сирийский кризис») посвящена самому горячему конфликту, тлеющему в регионе уже десять лет, – гражданской войне в Сирии. Написавшие ее Кирилл Семенов (Институт инновационного развития) и Андрей Коротаев анализируют сирийское противостояние сквозь призму описанной в предыдущей главе конкуренции двух лагерей: Саудовской Аравии в альянсе с Объединенными Арабскими Эмиратами и Турцией в союзе с Катаром. Противостояние этих блоков не позволяет сирийской оппозиции, теоретически довольно мощной, консолидироваться, а это снижает ее шансы в борьбе с режимом аль-Асада. Затяжной характер сирийской войны в тексте объясняется именно тем,

что в нее с самого начала вмешиваются сторонние силы. Авторский вывод неутешителен: после многих лет боев позиции вовлеченных в борьбу сторон стали еще более полярными, а «схватка за Сирию еще, похоже, не закончилась» (с. 155).

Йеменский конфликт, которому посвящена пятая глава («Йемен: бесконечная война»), не удостаивается, как правило, столь обширного внимания международных комментаторов и исследователей, как сирийская драма. Подготовившие этот раздел Леонид Исаев и Кирилл Семенов полагают, что мизерная вовлеченность международного сообщества в противостояние в Йемене вредит успокоению этой страны в той же мере, в какой избыточное вовлечение внешних сил в сирийский конфликт тормозит его прекращение. Между тем «маленькая победоносная война» Эр-Рияда с северным соседом обернулась «крупнейшей гуманитарной катастрофой XXI века» (с. 161). Разумеется, ответственность за это лежит не только на Саудовской Аравии, поскольку в йеменской интервенции участвуют и другие страны, например, Объединенные Арабские Эмираты, причем их линия далеко не во всем совпадает с линией союзников-саудитов. Тем не менее наибольшую ответственность за происходящее несет все же Саудовская Аравия, так как именно она, желая стать главным транзитным узлом региона, решила сосредоточиться на безопасности в акватории и на побережье Красного моря. Для этого Эр-Рияду нужно было подчинить Йемен себе; однако захват власти в Сане повстанческим движением хуситов разрушил этот план. На сегодняшний момент итог конфликта не предопределен; однако очевидно, что доминирование в Йемене обходится саудовской династии гораздо дороже, чем она рассчитывала.

В шестой главе («Игра в независимость») Леонид Исаев и Андрей Захаров (РГГУ) поднимают проблему курдов. Этот разделенный народ, рассеянный по нескольким

ближневосточным странам, пока смог добиться политического самоопределения лишь на территории Ирака. Свою автономию Южный Курдистан получил в ходе федерализации этой страны после краха режима Саддама Хусейна в 2003 году. Несмотря на все недостатки нового уклада, он, по мнению авторов, обеспечил главное: сохранил искусственное образование под названием Ирак в нынешних границах. Референдум об отделении Иракского Курдистана от Ирака, который прошел в 2017 году, вызываясь ставил под вопрос успех федеральной модели, но нелепость этой инициативы была только кажущейся. На самом деле голосование в Курдистане было задумано его инициаторами как элемент федеративного торга – иначе говоря, как попытка изменить финансовые и политические правила федерации в пользу автономии. Результат, впрочем, получился обратным ожидаемому: вместо предвкушаемых выгод, курды столкнулись с сокращением федерального финансирования и утратой контроля над спорными нефтеносными территориями, что, несомненно, ослабило их политическую субъектность.

Наконец, заметным игроком на ближневосточном политическом поле выступает Исламская Республика Иран, которой посвящена завершающая глава («Иран и Ближний Восток после “арабской весны”»). Написавшие ее Николай Кожанов (ИМЭМО) и Антон Мардасов (Российский совет по международным делам) отмечают, что к настоящему моменту Иран перенастроил механизмы своей внешней политики: прямое военное вмешательство в дела соседних стран, продолжавшее дело шиитской революции 1979 года, сменилось более широким использованием «мягкой силы». Сегодня иранские власти заинтересованы не в экспорте революционных идеалов, а в формировании действенной оборонительной стратегии, которую можно было бы противопоставить политике США

в регионе. Исключением из этого правила выступает только «шиитский полумесяц», состоящий из граничащих с Ираном территорий: там Тегеран по-прежнему продолжает экспансионистский курс. «Арабская весна» принесла иранским элитам надежду на уход враждебных режимов, однако оптимизм довольно быстро выветрился – в новых декорациях позиции страны оказались слабее прежних. Тем не менее внутренний запас прочности, накопленный теократической системой, далеко не исчерпан: Иран сохраняет значительный вес, и даже внешняя изоляция не слишком сказывается на нем. В условиях санкций выросли уже два поколения иранцев; оценивая перспективы иранского режима, об этом факте стоит помнить.

Правило «черного лебедя», которое в свое время сформулировал Нассим Талеб – в любой момент может произойти все что угодно, – в полном объеме применимо к ближневосточной политике. Но тот факт, что научное предвидение в отношении региона крайне проблематично, вовсе не отменяет попыток познать его. Истина во всей полноте едва ли достижима, но зато приближаться к ней вполне можно. Рассмотренная публикация может оказаться неплохим подспорьем в этом деле.

МАРГАРИТА МЕДВЕДЕВА

Libya's Fragmentation: Structure and Process in Violent Conflict

WOLFRAM LACHER

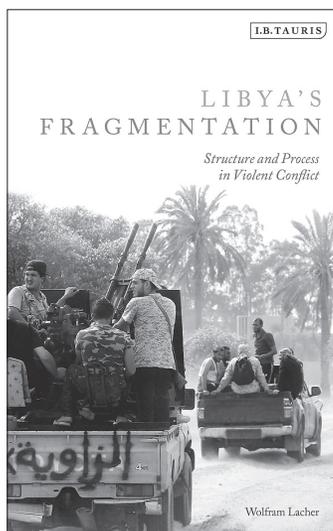
London: I.B. Tauris, 2020. – xii, 304 p.

В отличие от многих других специалистов по Ливии, комплектующих собственное представление об этой стране из новостных сводок, статей и книг, немецкий политолог Вольфрам Лашер изучает ливийский конфликт практически, обобщая и

систематизируя материалы собственных полевых исследований. Как ни удивительно, еще остались африканисты и востоковеды, готовые приезжать в эту несчастную страну; именно на собираемых ими данных, подкрепляемых и дополняемых свидетельствами столь же редких журналистов, по-прежнему рискующих работать в Ливии¹, базируется сегодня вся кабинетная аналитика. После краха Джамахирии Лашер посещал разоренное североафриканское государство не менее десятка раз, организовав более трехсот интервью с участниками ливийского конфликта – более уместно, впрочем, говорить не об одном конфликте, а о целом множестве – в самых разных географических локациях. Собранный им богатейшая фактура, обрамленная к тому же в затейливую теоретическую рамку, делает его книгу бесценной для любого, кто занимается изучением «арабской весны» и ее наследия.

Уже на первых страницах этой работы автор дает Ливии характеристику, послужившую основой для всего последующего повествования: он называет предмет своего исследования «крайним случаем политической, военной, территориальной фрагментации» в современном мире (р. 1–2). Подобная дескрипция естественным образом влечет за собой и череду исследовательских вопросов. Что же, собственно, с Ливией не так? Почему разорвавшие ее на части большие и малые вооруженные группировки столь неукротимы? В чем причины фундаментального истончения социальной ткани, не позволяющего ливийцам находить общий язык друг с другом? Отчего механизмы общественной сплоченности работают только на уровне самых простых и низовых общин, отторгая общегосударственные ее формы? Не разобравшись во всем этом,

невозможно понять, когда же прекратится бесконечная «война всех против всех», с головой накрывшая Ливию после крушения диктатуры Муамара Каддафи. Люди, которые не доверяют друг другу, не могут жить вместе – эта истина банальна в свете как межличностной, так и коллективной психологии. Гораздо менее ясными представляются перспективы «ремонта» социально-политической системы, вдруг прекратившей генерировать социальный капитал.

По мнению автора, атомизация ливийского общества оказалась прямым следствием нескольких десятилетий авторитарного правления, целенаправленно и намеренно разрушавшего связи социальной солидарности, взаимопомощи, ответственности. Кстати, в контексте арабского мира Ливия предстает довольно необычным кейсом, поскольку в ней, на удивление многим неосведомленным наблюдателям, «отец нации» смог разрушить не только тот пласт общественных взаимодействий, на котором базируется гражданское общество, но даже и традиционалистские клановые

1 Великолепным – и столь же редким – примером такой работы стала недавняя книга еще одного немца, корреспондента агентства «Reuters» в Северной Африке Ульфа Лессинга: LAESSING U. *Understanding Libya since Gaddafi*. London: Hurst & Company, 2020. Эта публикация будет действительно интересной и полезной для любого читателя, интересующегося ливийскими реалиями.

структуры. Это весьма интересный пункт, в котором Лашер расходится с большинством специалистов, изучающих Ливию. Многие из них до сих пор именуют эту страну племенным обществом: согласно разделяемой ими интерпретации, трайбализм по-прежнему остается живой реальностью ливийского социума, предопределяя многие его внутренние разломы. С привлечением племенного противостояния предлагается, в частности, анализировать и перипетии нынешней гражданской войны. Согласно этой логике, в эпоху Джамахирии одни племена выступали твердыми «лоялистами», а другие оставались столь же последовательными «диссидентами» – власти же, соответственно, ласкали одних и притесняли других, и поэтому после краха прежней системы племенные группы, по-разному относившиеся к Каддафи, начали неутомимо сводить счеты друг с другом. Немецкий исследователь отвергает этот подход, считая его примитивным, надуманным и безосновательным. В рецензируемой книге доказываются, что племенной тип лояльности из Ливии давно выветрился: в отличие от кланово-племенных структур, например, Йемена или Сомали, до сих пор не растерявших свою жизненную силу, даже самые заметные и авторитетные ливийские племена предстают скорее бессильными реликтами прошлого, а их шейхи оказываются фигурами политически декоративными и социально бессильными.

Естественно, так было не всегда. В стародавние времена, при Османах, ливийские племена держали под контролем обширные сегменты территории страны, используя их для своей экономической деятельности, что позволяло итальянским захватчикам в 1930-е и сменившей их монархии в 1950–1960-е опираться на племенную верхушку, искусственно раздувая ее значимость и провоцируя среди нотаблей соперничество за доступ к государственным ресурсам и должностям. Тем не менее с середины

XX столетия коллективная собственность племен естественным образом все заметнее вытеснялась частной собственностью отдельных лиц – сначала при монархии, а потом и при республике. К концу 1970-х, когда революционный режим Джамахирии объявил о национализации большей части племенных владений, ливийские племена уже и без того успели лишиться своего экономического фундамента. Согласно немецкому исследователю, они превратились в своеобразные социальные сети, опирающиеся на родственно-соседские узы и пытающиеся приобщиться к распределению бюджетных средств и рабочих мест в государственном секторе, не помышляя о чем-то большем (р. 67–73). Именно в этом, лишенном политического содержания, качестве, их в собственных церемониально-манипулятивных целях время от времени мобилизовал Каддафи; таковыми же по большей части они остаются и сегодня, утратив прежнюю ауру.

«Согласно историческим свидетельствам, даже в прошлые эпохи ливийские племена отнюдь не были монолитными коллективными акторами. А после нескольких десятилетий политики “разделяй и властвуй”, которую проводило революционное ливийское руководство, они еще менее соответствуют этому образу» (р. 73).

Но, если племен больше нет, а государство разрушено, что же тогда? На каком клее держатся в Ливии хотя бы самые рудиментарные формы социального взаимодействия и как реализуются функции общественного контроля? В силу организационных особенностей ислама, не знающего церковной иерархии европейского типа, мусульманская религия способна выполнять такую роль лишь отчасти и условно. В итоге тем стержнем, на который нанизываются все нити конкретных людских жизней, и тем средоточием, где непосредственно реализуются экзистен-

циальные чаяния, оказывается место проживания – соседская община, будь она городская или сельская. Паралич или немощ прочих социальных скреп гипертрофировали роль таких общин, одновременно усугубив их обособленность друг от друга. Эта разобщенность поддерживалась и стратегическими условиями гражданской войны, которые задавали каждому местному сообществу собственную конфигурацию угроз, возможностей и неопределенностей, заставлявшую либо отгораживаться от иных игроков, либо, напротив, блокироваться с ними (р. 148). Соответственно, желая гарантировать свое право отделиться или объединиться, общины, причем даже самые мелкие, обзаводились вооруженными ополчениями – нерегулярными маленькими армиями, финансируемыми и руководимыми местными авторитетами. Именно эти локальные милиции и стали главными героями гражданской войны – совокупным генератором того хаоса, из которого Ливия никак не может выйти.

Во время восстания против Каддафи и сразу после него, в 2011–2012 годах, на ливийской территории вырели сразу несколько центров военно-политического влияния, каждый из которых втягивался в протестное движение по-своему, формировал выраженный социальный, экономический, культурный профиль и был готов к жестокой борьбе за материальное наследство распавшейся Джамахирии. Местные городские сообщества не были похожи друг на друга, а их новая идентичность складывалась ситуационно, подчиняясь перипетиям гражданского противостояния. С начальных стадий социального хаоса локальным мирам ливийских городов приходилось вновь и вновь пересматривать фундаментальные основы своего существования; как пишет Лашер, «в группах, где внутренние и внешние границы перекраиваются посредством насилия, само участие в коллективной борьбе создает новые и

устойчивые сети лояльности, которые связывают индивидов, зависящих друг от друга в обеспечении собственного выживания» (р. 64). Каждое подобное сообщество представляло обособленный нуклеус: между собой их почти ничего не спланивало, они враждовали, мирились и снова враждовали, а главной чертой их сходства оставалось желание защитить свою автономию от посягательств любой центральной власти. Разумеется, такая диспозиция не оставляла так называемому «центральному» правительству в Триполи никаких шансов выступить в роли консолидирующего начала – кто бы его ни утверждал.

Что же все вышесказанное означает для ливийского будущего? По-видимому, ничего хорошего. Гражданские войны, подобные российской или испанской, где на кону оказываются высокие идеалы и великие истины, несмотря на все их ожесточение, заканчиваются, как правило, в какие-то умопостигаемые сроки. В отличие от них, общенациональные конфликты, участники которых борются сугубо за свое местечковое выживание и обеспечение собственной локальной безопасности – как, скажем, было в Колумбии или Гватемале, – длятся десятилетиями. Именно к этой второй категории принадлежит и ливийская война, которая теоретически может продолжаться вечно, насаждая в североафриканской стране что-то вроде нового феодализма. Есть, правда, поправочный фактор, который обязательно нужно учитывать при анализе и прогнозировании: это ливийская нефть. По своему углеводородному потенциалу Ливия относится к богатейшим странам мира, но в настоящее время его использование ограничено условиями гражданской войны. И это весьма нервирует внешние силы, потребляющие нефть и газ Ливии.

В свою очередь их заинтересованность в порядке выливается в активный поиск в рядах ливийских военно-политических игроков того, кто способен прекратить

войну всех против всех и установить в Ливии более или менее консолидированный режим. Именно этот процесс вознес Халифу Хафтара – полевого командира, сначала обосновавшегося на востоке Ливии, в Тобруке и затем Бенгази, а теперь стремящегося овладеть столицей и, следовательно, всей страной. По мнению Лашера, в отличие от прочих участников «ливийской партии», Хафтар – довольно уникальный игрок. За относительно короткий период с середины 2014-го до конца 2016-го ему удалось стать практически неоспоримым хозяином восточной части Ливии. Его возвышению, как подчеркивает автор, способствовали особенности социально-политического ландшафта того региона, где он набирал силу (р. 179–190). Поскольку та часть ливийской периферии, где находится Тобрук, почти не была затронута противостоянием революционеров войскам Джамахирии, здесь отсутствовала та внутриобщинная сплоченность перед лицом общего врага, которая отличала сообщества остальной Ливии (и о которой говорилось выше), а структуры местного руководства и низовой солидарности были относительно слабыми. Хафтар же с самого начала опирался на мощную внешнюю поддержку – прежде всего со стороны Египта и Объединенных Арабских Эмиратов, – недоступную для прочих групп и группировок, вовлеченных в ливийский конфликт.

Кроме того, незначительное расстояние между Тобруком, где первоначально находился его штаб, и Бенгази – с началом революции этот город стал одним из основных оплотов исламистов – предоставляло ему огромное стратегическое преимущество: с подконтрольной Ливийской национальной армии территории можно было осуществлять бомбардировки позиций ее исламистских противников, а наличие у него самолетов советского производства делало это обстоятельство принципиально важным. Помимо бывших военнослужащих армии

Каддафи, подвергшихся после революции репрессиям джихадистов (например, на улицах Бенгази в 2013–2014 годах бывших офицеров убивали чуть ли не ежедневно) и переживших социальную маргинализацию, его социальную базу составили и сторонники региональной автономии для восточной Ливии, увидевшие в инициативах Хафтара «возможность еще более ослабить центральное правительство и воплотить в жизнь требования собственной повестки», а в нем самом – лишь «временного союзника, которого можно использовать для достижения своих целей» (р. 182).

Обзаведение собственной социальной базой, несомненно, позволило Хафтару консолидировать власть на подконтрольных ему территориях. Во второй половине 2016 года он распустил местные советы в восьми муниципалитетах, включая завоеванный им к этому времени Бенгази, назначив вместо них военных губернаторов. Кроме того, мобилизовав бывших лоялистов Каддафи, он сформировал боеспособные воинские формирования, уровень подготовки и оснащенности которых выше, чем у подразделений его противников. Тем не менее сказанное не означает, что в перспективе Хафтару не придется договариваться с конкурентами. Более того, несмотря на то, что фельдмаршал возвышается над своими соперниками, подобно колоссу, успех его дела никак нельзя считать предрешенным: Ливийской национальной армии по-прежнему эффективно противостоят тысячи и тысячи локальных миров, которые не собираются возвращаться под ярмо новой диктатуры, что подтвердил провал наступления Хафтара на Триполи в 2020 году. Завершая свою книгу, Вольфрам Лашер не дает прогнозов, понимая всю тщету подобного занятия, когда речь заходит о Ливии. Но это ничуть не обесценивает его труда – скорее, наоборот.

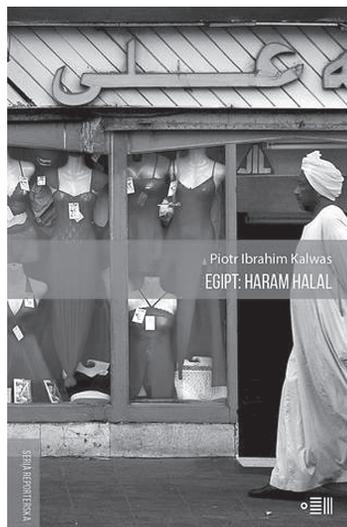
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ, доцент факультета истории, политологии и права РГГУ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЕГИПЕТ

Egipt: Haram Halal

PIOTR IBRAHIM KALWAS

Warszawa: Fundacja Instytutu Reportażu,
2020. – 224 p.

Книга, впечатлениями от которой я намереваюсь поделиться, попала ко мне почти случайно. Между тем эта работа в своей стране уже несколько раз переиздавалась, став признанным бестселлером. Российский же читатель, который нередко любит отдыхать в Египте, ни об авторе, ни о книге ничего – или почти ничего – не слышал. Мне, как человеку, знающему арабский и не только посещавшему Египет многократно, но и задерживавшемуся в нем на месяцы, хорошо известно, что большинство туристов имеют крайне превратное представление об этой стране. Ведь курортный Египет с его профессиональными гидами и вооруженными охранниками очень отличается от Египта настоящего, лежащего за стенами гостеприимных отелей. Он не просто иной – он еще и весьма опасный. При Хосни Мубараке зарубежный гость, ограничивающий свой досуг гостиничными и пляжными развлечениями вкупе с редкими

экскурсиями, мог, в принципе, чувствовать себя беззаботно. «Туристы – наше золото», – любили повторять бывшие правители. Но после потрясений 2011 года ситуация изменилась к худшему. За десятилетие, прошедшее после революции, население Египта увеличилось на двадцать миллионов человек, причем благосостояние граждан никак не успевало за подобными темпами роста. Сегодня очевидно, что «арабская весна» не смогла решить социально-экономические проблемы, десять лет назад вызвавшие социальный взрыв. А это означает, что уязвленный мир множющейся нищеты и неискоренимой безграмотности неизбежно столкнется с миром алкогольной радости, дорогих смартфонов и полуголых женщин.

Петр Кальвас, написавший эту книгу, родился в 1963 году в Варшаве, в католической семье польского адвоката, а потом и политика: его отец в 2004–2005 годах был министром юстиции в правительстве президента Александра Квасьневского. Тем не менее жизнь самого молодого человека складывалась непросто: он бросил университет, жил на случайные заработки, на протяжении трех лет был маляром-нелегалом в Норвегии. Вернувшись в Польшу, Кальвас попробовал себя в телевизионном бизнесе, выступив одним из сценаристов очень популярного в конце 1990-х телевизионного сериала «Семья Кепских». После того, как его перо получило признание, он начал активно путешествовать, печатая свои репортажи в польских СМИ и публикуя книги. В 2000 году, пережив духовный переворот, Кальвас принял ислам, сменив имя Петр на Ибрагим, а в 2008-м вместе с семьей переехал в египетскую Александрию. После публикации в 2015-м книги «Харам халяль», немедленно вызвавшей скандал, он был вынужден покинуть Египет и обосноваться на Мальте.

Книга состоит из 22 репортажей, посвященных конкретным проблемам, с которыми автор сталкивался во время своего про-

живания в Александрии. Безусловно, не все разделы книги интересны и остры в равной мере, но некоторые из них буквально потрясают. В качестве эпиграфа используются слова лауреата Нобелевской премии по литературе, египетского писателя Наджиба Махфуза:

«В Египте большинство людей думают лишь о том, как добыть кусок хлеба; только горстка образованных знает, что такое демократия. Нам нужно перестроить всю социальную структуру Египта и переосмыслить всю нашу историю» (р. 3).

Но возможны ли такое переустройство и такой пересмотр? Многочисленные запреты, ограничения, табу, каждодневно сопровождающие жизнь египтянина, заставляют усомниться в этом. Именно эта теневая сторона египетской жизни, о которой не принято ни писать, ни говорить, оказывается в центре повествования.

Вводя читателя в контекст своих размышлений, Кальвас начинает с описания места своего проживания – александрийского района Рушди, расположенного на берегу моря и населенного в основном семьями среднего класса. Из окна квартиры на одиннадцатом этаже автор наблюдает не только за плещущимися в море дельфинами и странным, «похожим на Хемингуэя» соседом, который «каждый день, словно забывшись, выходит голым на балкон», но и за ежедневными авариями на набережной Эль-Корнеш – главной транспортной артерии города. Как правило, египтяне не пользуются подземными переходами, а просто перебегают дорогу перед мчащимися машинами: «Если будет на то воля Аллаха, то не собьют». Водят автомобили по тому же принципу:

«Несутся по разбитой улице с невероятной скоростью, без ремней безопасности и целыми семьями погибают от столкновения с фонарным столбом. Но это, собственно, не считается аварией – таков мактуб» (р. 36).

Понятию «мактуб», которым обозначается безоглядное препоручение собственной жизни Аллаху, в книге отводится отдельная глава. Запредельный фатализм, играющий колоссальную роль в мирозерцании египтян, представляет собой удобный способ избавиться от ответственности как за себя, так и за других. Все дурное, неприятное, нежеланное, происходящее в жизни египтян, заносится в этот разряд: *мактуб*, так было решено Аллахом в миг человеческого рождения.

То же самое магическое слово произносят и в тех случаях, когда египетская девочка умирает от заражения крови после обрезания, произведенного грязными инструментами. *Хитан*, или женское обрезание, – практика, на удивление широко распространенная в современном Египте. За ней в свою очередь стоит дискриминация женщин по гендерным признакам, а также откровенное превращение их в объекты унижения или насилия. В процессе воспитания египетским юношам внушают, что они гораздо выше девушек, у которых в свою очередь будет единственное предназначение – улаживать мужчину. Кальвас цитирует известного египетского проповедника:

«Ислам запрещает мужчинам интересоваться женщинами вне брака, ведь женщины влекут на пути зла. Поэтому большинство из них в аду. Когда женщина одна выходит из дома, то ее неизменно сопровождает сатана» (р. 101).

Из подобных установок и родился варварский обычай, имеющий целью лишить женщину возможности наслаждаться сексуальным актом. Ссылаясь на данные Всемирной организации здравоохранения, Кальвас сообщает, что в нынешнем мире около 130 миллионов женщин подверглись той или иной разновидности женского обрезания. Наибольшую часть жертв этого обряда составляют африканки, причем каждая пятая из них египтянка. Хотя в декабре

2012 года Генеральная Ассамблея ООН признала женское обрезание нарушением прав человека, а официально его запретили практически повсюду, включая и Египет, – «никого это не волнует» (р. 103).

Сами египтянки не слишком готовы обсуждать эту тему: Кальвас с трудом находил собеседниц, которые соглашались ему помочь, – контакты с ними оставались в глубокой тайне. Его, однако, поддерживали активистки египетских либеральных и феминистских движений. В книге представлены несколько душераздирающих историй тех женщин, которые прошли через *хитан*. Одной из героинь, которой сейчас семьдесят лет, операцию сделали дважды: мол, с первого раза удалили «мало». По ее рассказам, такое бывает часто. Несмотря на пережитые мучения, своих дочь и внучку эта женщина тоже велела обрезать (р. 107). Подробное повествование другой собеседницы Кальваса просто нельзя читать спокойно:

«Я хорошо все помню. Я играла с куклой, которую мне подарили на день рождения. Дома было много теток, бабушек, двоюродных сестер. Они смотрели на меня, гладили по голове, шептались между собой. И вдруг все эти женщины ворвались в мою комнату, схватили меня за ноги и руки. Не понимая, что происходит, я кричала, кусалась и вырывалась. Помню, что отец и братья отвернулись лицом к стене, когда меня выносили. [...] Женщины приволокли меня в другое помещение, где уже ждала знахарка в никабе, с ножом в руке. [...] И она, и остальные женщины шептала суры из Корана. Меня бросили на кровать, крепко удерживая, а мама засунула мне между зубов деревяшку. Потом я почувствовала невероятную, непередаваемую боль, [...] и потеряла сознание. Когда пришла в себя, мама сидела возле кровати и гладила меня по голове. Я крепко держала подаренную куклу, которая была в крови. Мне тогда было восемь лет» (р. 112).

Автор, потрясенный обычаем, о котором до переезда в Египет мало что знал, не ме-

нее поражен странным противоречием: более 70% египтянок в ходе социологических опросов высказываются против истязания девочек, но при этом около 90% из них, будучи «обрезанными», продолжают следовать страшной традиции в собственных жизненных практиках. Зачастую операция проводится по инициативе матерей или бабушек – и без ведома отца или деда, если речь идет о египетской семье прогрессивных взглядов.

«Необрезанную девушку никто не возьмет замуж, и этот факт делает обрезание неизбежным. Жестокая материнская месть за себя, искалеченную, маскируется благородным намерением уберечь дочь от безбрачия и бесчестия. О хитане в Египте не принято говорить и в нем стыдно признаваться. Но при этом через него прошла едва ли не каждая девушка, а после “арабской весны” операцию стали проводить даже чаще, чем раньше» (р. 118).

Проблема женского обрезания затрагивает и европейские страны. В Европейском союзе, имеющем крупные сообщества выходцев из мусульманских стран, «летучие» бригады арабских «врачей» или просто знахарей проводят операции на дому. Законодательное запрещение подобной практики на территории ЕС пока не дает должного эффекта.

Прочитав главу «Женский ад», которая стала в книге одной из центральных, начинаешь лучше понимать египетскую метаморфозу, произошедшую с самим Кальвасом. Если в первые годы пребывания в Александрии он обожал Египет, то позже глубоко возненавидел эту страну:

«Сначала была любовь, за которой пришла ненависть. То же самое случилось у меня и с мусульманством. Я прошел путь от восторга через головокружение до пробуждения, пока не обрел собственную духовность, которую я называю “исламом”, но которую многие не считают таковым» (р. 36).

Поясняя свою мысль, автор говорит, что тот ислам, который он встретил в Египте, оказался фундаменталистским и традиционалистским, абсолютно не приспособленным к современности. В древности не раз бывало так, рассуждает Кальвас, что одна цивилизация мучила другие. Сейчас эту роль принял на себя мусульманский мир, опирающийся на то, что каждый четвертый житель планеты является мусульманином. К счастью, по словам автора, исламу не позволят одолеть ни христианскую, ни конфуцианскую культуры. Кроме того, его ни в коем случае нельзя ассоциировать только с беженцами или радикалами: в исламе есть совсем иная традиция, связанная с суфизмом, и именно на ней Кальвас основывает свои надежды на мусульманство будущего – мирный ислам, которого сейчас слишком мало.

Пока же в паспортах граждан Египта есть графа «религия», а за атеизм в этой стране можно быть приговоренным к смертной казни. Особенно строго общество относится к мусульманам, решившим сменить религиозную принадлежность. Автор с негодованием пишет о двойных стандартах, бытующих в этой сфере:

«Коптам, которые переходят в ислам, государство предоставляет охрану, зато для мусульман, которые примут христианство, египетское законодательство предусматривает несколько лет тюрьмы. И если их не убьют сокамерники, то это сделает семья, когда вероотступник выйдет на свободу» (р. 174).

Безусловной монополии религиозного мировоззрения не мешает даже распространение образования. Автор с иронией рассказывает о враче-салафите, который, обучившись на Западе, осматривает пациентов только через одежду и при обязательном присутствии их родственников – не забывая читать свежую медицинскую периодику и поддерживать контакты с кол-

легами из США. Рука об руку с подобными медиками работает другая ветвь «исламской медицины»: шейхи и муфтии, разъясняющие, «какие стихи Корана помогают от диареи, а какие – от запора» (р. 178).

Подводя читателя к теме греховного и праведного, важнейшей для повествования, автор рассказывает следующую историю. Во время поездки с проводником-египтянином Петр-Ибрагим, случайно перепутав, выпил воду из чужого стаканчика. Реакция оказалась незамедлительной:

«Ахмет заметно сник. Он тайком вылил оставшуюся на дне жидкость и больше не пил, потому что чистые стаканчики кончились; бутылка же ему не годилась, так как мусульмане не пьют из сосудов с длинным горлышком. Налить в использованный стаканчик он тоже не мог, потому что не был уверен, что тот после меня не стал нечистым. Конечно, парень мог ополоснуть стаканчик, чтобы смыть мою нечистоту, но, видимо, боялся меня обидеть. Вот так я невольно обрек правоверного на жажду в жару» (р. 187).

Именно такие парадоксы и вобрало в себя название книги: «Египет: харам халяль».

Харам – греховное и потому запрещенное, *халяль* – благое и потому разрешенное. Примечательно, что на обложке между этими словами нет знаков пунктуации. Автор тем самым заранее уведомляет читателя, что граница между ними очень размыта. Например, молодая жительница Александрии, которая выходит на улицу с покрытой головой, а также в джинсах и водолазке, откровенно подчеркивающих достоинства ее фигуры, но благочестиво закрывающих при этом все тело, вполне впишется в категорию «халяль». Однако ее соседка, надевшая закрытое и просторное платье, но зато забывшая покрыть голову, немедленно получит ярлык «харам». Салафит, владеющий парфюмерной лавкой, никогда не продаст женщине флакончик духов, поскольку традиция

предписывает ей «пахнуть только собой», чтобы не соблазнять мужчин. Вместе с тем если от нее пахнет не слишком приятно, то это, безусловно, *харам*. Необходимость учитывать все эти тонкости делает жизнь египтян и египтянок весьма непростой.

Парадоксальные запреты и предписания, диктуемые религией, проявляют себя повсеместно. Скажем, ислам предписывает заботиться обо всех животных. Но при этом делается исключение для собак черной масти, которые считаются порождением дьявола: «Их следует убивать, не прикасаясь, лучше всего камнем». У подобного пса, впрочем, остается какой-то шанс, поскольку, если он требуется вам для охраны стада, то его «можно покрасить, чтобы не был черным» (р. 12, 14). Но вот у животных, отобранных для участия в египетской версии праздника жертвоприношения Ид аль-Адха, такого шанса нет. Тем дням, когда вопли забиваемых животных терзают слух, а кровь течет по городским улицам, как вода, автор посвящает отдельную главу. Жестокость местных праздничных обыкновений угнетает Кальваса: по его мнению, она высвобождает в египтянах самое дурное, что есть в человеке. Автор также подчеркивает, что в разных мусульманских странах этой традиции следуют по-разному – и Египет в плане обращения с жертвенными животными отличается от других не в лучшую сторону. Кроме того, ему кажется, что эта особенность египетской жизни связана и с некоторыми другими, весьма неприятными и довольно специфическими чертами египетского мирозерцания.

Изучая египетские нравы, Кальвас обратил внимание на то, что многие египтяне, причем даже образованные, сегодня отрицают Холокост и восхищаются Гитлером. Это, полагает он, не удивительно, если вспомнить, что немало нацистов бежало после разгрома «рейха» в арабские страны. Авторитарные и националистические режимы арабского мира, утверждаемые

деколонизацией, приветствовали их с распростертыми объятиями: бывшие гитлеровцы обращались в ислам, получали арабские фамилии, становились организаторами местных армий и разведок. Египет не стал исключением: его национальный лидер Гамаль Абдель Насер предоставлял немецким беглецам видные должности. По свидетельству автора, военные, политические, психологические травмы, нанесенные арабскому сознанию сионистами, оборачиваются тем, что в Египте ни на одной школьной карте Израиля нет вообще: на его территории отмечаются только Палестина и Иерусалим. А вот там, где должны располагаться Яффа, Хайфа, Эйлат или Тель-Авив, изображена пустыня – та самая пустыня, которая, собственно, и была там семь десятилетий назад. И, разумеется, никто из художников, писателей, ученых еврейского происхождения не удостоился упоминания в египетских учебниках для государственных школ.

Многие мусульмане ненавидят евреев и Израиль, а некоторые из них и сегодня с удовольствием читают книгу «Mein Kampf», неоднократно переведенную и опубликованную на арабском. Автор рассказывает, что в Египте люди не раз спрашивали его о Холокосте: они были уверены, что это еврейская выдумка, поскольку так их учили в школе и мечети. Памятным для Кальваса стал тот день, когда он показал одной египтянке, не верящей в Холокост антисемитке, фильм об уничтожении евреев в годы Второй мировой войны. Женщина не смогла сдержаться слез. Разумеется, говорит автор, есть мусульмане, которые не верят в антисемитский бред, – но таких меньшинство. Большинство же привыкло обвинять евреев, Израиль и Запад во всех недугах и провалах собственного общества. Хотя, по ироничному замечанию автора, израильско-американские интриги ничуть не мешают египтянам хотя бы просто убрать мусор на собственных, отнюдь не всегда аккуратных, улицах.

Отсутствие элементарных удобств и бытовая неустроенность, постоянно бросающиеся в глаза, причудливо сочетаются с навязчивой и показной демонстрацией достоинства и благочестия. С огромным почтением, например, в египетском обществе воспринимают мужчину, у которого есть *зибиба*. В перевод с арабского это слово означает «изюминка». Так именуется темная, похожая на мозоль, отметина на лбу правоверного, которая постепенно появляется у того, кто на протяжении многих лет по несколько раз в день бьет челом о ковер, забываясь в смиренной молитве. Содранная кожа и лопнувшие сосуды, таким образом, как бы свидетельствуют о крайней набожности; в Египте это что-то вроде почетной стигмы. Кроме того, *зибиба* выполняет и мирскую функцию. В консервативных средах мужчина с «изюминкой» на голове считается лучшим кандидатом для брачного союза. По свидетельству автора, отыскивая для себя подходящую женщину, египтянин порой «подкладывает под ковер камень – ведь только Аллах видит, – и зарабатывает серьезную “изюминку” в рекордно короткий срок» (р. 32). Понятно, что среди передовой египетской молодежи подобные практики не могут вызывать ничего, кроме насмешки. «Я не верю, что твоя *зибиба* настоящая» – так назвала одну из своих песен работающая в стиле *death metal* александрийская группа «Blood of Sphinx». Впрочем, ниспровержение исламских анахронизмов в таком косном обществе, как египетское, молодежной субкультуре явно не по силам.

Автор убежден, что единственная разновидность полезной критики – та критика, которой занимаются любя. Он, по-настоящему увлеченный Египтом иностранец, искренне пытается разобраться в многочис-

ленных антиномиях этой страны. Однако примириться с египетскими реалиями удается далеко не всегда. И дело не только в том, что *харам* и *халаль* пребывают в сложнейших диалектических взаимоотношениях, способных порой запутать местного и свести с ума приезжего. Египет и меняется, и не меняется одновременно, а недавняя революция, с которой поначалу связывали столько надежд, очень быстро обернулась подъемом новой ортодоксальности, агрессивной и фаталистичной, отторгающей любые полутона. И, следуя за автором, с полным основанием можно утверждать: «страна фараонов» еще не раз удивит нас. Вопрос лишь в том, не окажется ли это удивление шоком отчаяния или ужаса.

Очень жаль, что книга Петра Кальваса, в Польше переизданная уже не раз и номинированная на национальную литературную премию «Ника», до сих пор недоступна российскому читателю. Замечу, что написанная другим польским журналистом аналогичная книга о «неизвестной» Турции – тоже, кстати, претендовавшая у себя дома на премию «Ника», – не только издана на русском языке солидным издательством, но и стала чрезвычайно популярной². Между тем Египет вот-вот откроется для россиян заново; самое время было бы подготовиться к долгожданному визиту.

РЕЗА АНГЕЛОВ

Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты³

ВЛАДИМИР КРУГЛОВ

М.: Институт российской истории Российской академии наук, 2020. – 480 с. – 500 экз.

2 Шабловский В. *Убийца из города абрикосов. Незнакомая Турция – о чем молчат путеводители*. М.: АСТ; Corpus, 2015.

3 Рецензия подготовлена в рамках исследования, осуществленного при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

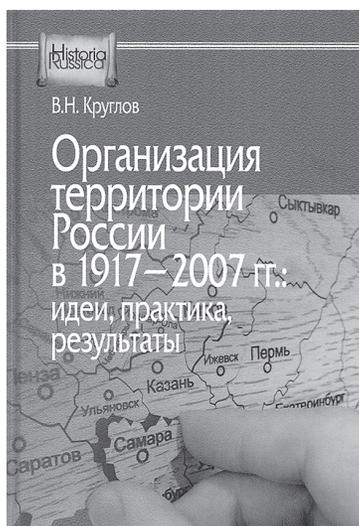
В 2020 году вышла в свет монография старшего научного сотрудника Института российской истории РАН Владимира Круглова. В фокусе автора – эволюция административно-территориального деления (далее – АТД) РСФСР на протяжении девяноста лет. Это далеко не первая работа по истории реформирования территориального устройства России, однако ей есть, чем удивить читателя. Научное сочинение отличает фундаментальность, беспристрастность изложения и впечатляющая источниковая база.

Монография состоит из двух частей, внутренним хронологическим рубежом для которых выступает 1987 год, каждая часть разделена на три главы. Работа снабжена удобным научно-справочным аппаратом: подробные географический и именной указатели позволяют быстро находить интересующие сюжеты. Отследить процесс трансформаций удобно по 18 картам: административно-территориального деления РСФСР в период ключевых изменений (1917-го, 1923-го, 1931-го, 1941-го, 1949-го, 1957-го, 1994-го и 2008 годов), формирования границ советских Украины, Белоруссии и Средней Азии в постреволюционное десятилетие, а также экономического районирования страны (1922-го, 1958-го, 1963-го и 2008 годов).

В основе книги лежат три проблемных блока: административно-территориальное деление страны, проекты экономического районирования и национально-государственное устройство. Сквозь призму хронологической перспективы автор показывает, как эти элементы – отдельно и в совокупности – влияли на формирование административно-политической карты России и определяли внешние и внутренние границы.

Процесс реформирования отличал синтетический характер совмещения европейских подходов с «отечественными нововведениями», главным среди которых автор

считает принцип этнического федерализма (с. 425). Еще одной ключевой особенностью является расхождение между провозглашаемым и практикой, что «проявилось в гибридности государственного устройства», когда при федеративной форме содержание соответствовало принципу унитаризма.

Книга дает возможность проследить развитие идей преобразования АТД России в историческом контексте начиная с дореволюционного периода до начала XXI века. В монографии представлен анализ нескольких сотен проектов и инициатив, поступавших от государственных деятелей, научного сообщества, лидеров политических партий, обычных граждан и религиозных лидеров. Все они предлагали свои варианты решения вопроса, который сформулировал еще в 1818 году статистик, географ и историк Константин Арсеньев: «Как выделить административно-территориальные единицы так, чтобы в их границах происходило развитие?» (с. 30), поиск ответа на который длится до сих пор. В основе большинства предложений лежали идеи «укрупнения» или «разукрупнения» регионов, а также принцип экономического районирования, сформулированный еще в 1920-е, к которому неоднократно возвра-

щались как на протяжении всего XX века, так и на современном этапе. Но, как неоднократно подчеркивает автор, бурные дискуссии 1970-х – начала 2000-х, как и предложения со стороны научного сообщества на протяжении всего рассматриваемого периода, практически не влияли на курс власти.

Трансформации АТД в многонациональном государстве не могли не затронуть интересы этносов, его населяющих. В монографии уделяется значительное внимание изучению политики в отношении национального вопроса. Объективные условия – разбросанность этносов на обширных пространствах России, их смешанное расселение – предопределили комплекс проблем при организации нового административно-территориального устройства. Власти столкнулась с необходимостью преодолевать сепаратистские тенденции, формировать официальную позицию относительно дискуссий в партии о национальном самоопределении, урегулировать территориальные споры. И сохранять хрупкий баланс сосуществования разных этносов удавалось не всегда – не обошлось без грубых ошибок и компромиссных решений, которые давали о себе знать спустя десятилетия, когда «стабильное обострение ситуации [...] вылилось в открытые конфликты рубежа 1980–1990-х годов» (с. 430).

Автор обращает внимание на то, что уже после распада СССР власть, оставаясь идеологически индокринированной, не захотела пересмотреть уже не соответствовавшую новым экономическим реалиям территориальную сетку АТД. Представители новой политической элиты – в результате многолетнего воздействия пропаганды – были людьми, которые не смогли «отбросить старую модель мышления, неотъемлемой и важнейшей составляющей которой являлось представление “об успехах ленинской национальной политики”» (с. 431). Сохранение советского варианта устройства АТД

отвечало также требованиям региональных политических элит. Автор обоснованно предостерегает от возможности повторения «геополитической катастрофы» распада страны на отдельные республики, так как Российская Федерация сохранила принципы советского административно-территориального устройства (в том числе в развитии региональных, прежде всего этнополитических, элит (с. 432)), что может привести к повторению сценария 1991 года.

Интересным открытием для многих читателей может стать информация о процессах суверенизации, происходивших в постсоветский период в регионах европейской России, которым в исследовательской литературе уделялось значительно меньше внимания, чем территориям Урала, Сибири и Дальнего Востока:

«Самое громкое выступление подобного рода имело место летом 1993 года, когда руководители “русских” субъектов Федерации потребовали соблюдения равноправия субъектов Федерации, предоставив им статус республик со всеми атрибутами (“государственностью”, “суверенитетом” и т.д.)» (с. 296).

Идеи обретения независимости после распада СССР подхватили саратовцы, где «весной 1992 года на сессии малого Совета Саратовской области прозвучала идея образования Саратовской республики» (с. 295). В январе 1993 года нижегородский областной Совет «заявил о возможности либо провозглашения на территории области независимого государства, либо выражения недоверия правительству, изымавшему огромную часть прибыли для финансирования автономий». Весной 1993 года прозвучало предложение объединить Москву и Московскую область в республику Московию; в апреле того же года после проведения референдума областной Совет провозгласил создание Вологодской республики (с. 296).

В данном вопросе интересно отношение жителей регионов к процессу повышения его статуса: от поддержки на стадии референдума (88,3% «за» в Вологде) до безразличия к «возне, затеянной властями», связанной с законодательным оформлением суверенитета. Так, в день, когда губернатор Эдуард Россель выступал по местному телевидению с изложением основных положений конституции новой Уральской республики, «телефоны редакции были... раскалены от звонков негодующих телезрителей; они протестовали против того, что... "шоу Росселя" задерживало трансляцию... футбольного матча» (с. 297). Автор подчеркивает, что после того, как эти идеи были отклонены федеральным центром, со стороны населения не последовали «ни демонстрации, ни другие массовые акции протеста» (там же).

Главной особенностью процесса организации территории России стала борьба двух концепций – «укрупнительной» и «разукрупнительной». Автор проделал большую работу, проанализировав доводы сторонников и противников каждого подхода, тезисно изложив их основные идеи (с. 366–371), а также выделил ключевых акторов этих процессов на уровне центра и регионов.

В работе получили подробное освещение процессы укрупнения субъектов Федерации

начала XXI века, когда, вместо заявленных радикальных изменений, реформы отличала как раз осторожность. Автор уделил большое внимание ходу и результатам референдумов в укрупняемых регионах, а также действиям власти по изменению общественных настроений. Примечательно, что идея укрупнения не встретила широкой поддержки населения в регионах Сибири и Дальнего Востока, в то время как нашла живой отклик у региональных лидеров центральной России. Первопроходцем стал губернатор Ярославской области Анатолий Лисицын, предложивший объединить свой донорский регион с регионами-реципиентами – соседними Костромской и Ивановской областями (с. 346). Также рассматривались варианты «объединить Тульскую и Рязанскую области в единую Приокскую губернию, создать субъект Федерации на основе [...] Липецкой и Воронежской областей» (с. 347).

В заключение хотелось бы отметить, что работа будет интересна самому широкому кругу читателей, которые, безусловно, получают удовольствие от знакомства с ней.

Галина Егорова, научный сотрудник
Международной лаборатории региональной
истории России Национального исследо-
вательского университета «Высшая школа
экономики»